

ВИКТОР БОЛЬШОЙ

Заметки

МОЛОДОГО

человека

Виктор Большой

Заметки молодого человека

*Текст предоставлен издательством
Заметки молодого человека: Издать Книгу; 2013*

Аннотация

Бурная жизнь молодого художника («Уроки в стиле «Ню»), не менее разнообразное бытие профессионального фотографа («Юлька или фото на документы»), нескучный быт экспедиций («Археология души»), где лихие парни и «сумасшедшие» девчонки, рискнувшие подарить им свою любовь, открывают для себя (и для Вас) что такое – Жить!

Время от времени герои повествования активно отдыхают, «адреналинят». Это – спуски на лыжах «с закрытых позиций», скалолазание без соответствующего снаряжения и подготовки, и тому подобное. Автор предупреждает, что подобные развлечения – опасны для жизни.

В «постановке», название которой – «Моя жизнь», Вы, читатель, и есть главный режиссёр, а так же первый и единственный актёр. Никто Вам не может запретить изменить сценарий и сыграть так, как пожелаете. Удачи!

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	7
Уроки в стиле «Ню»	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	60
Глава 11	68
Глава 12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Виктор Большой

Заметки молодого человека

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Об авторе

Виктор Большой – человек «тысячи» профессий. Посудите сами – егерь, археолог, физик, рабочий по производству комбинированных кормов для животных, инженер-кон-

структор, художник-оформитель, сторож, фотограф и т. д. Этот список может быть продолжен. Согласитесь, среди перечисленных профессий совсем немного таких, которые имеют что-то общее между собой.

Возможно, именно это различие видов деятельности и создаёт ту «разность потенциалов», то напряжение, которое порождает искру творчества, пробивающую туманную пелену каждодневных забот и дел.

Отзывы, замечания, предложения можно оставить на странице автора на сайте Проза. ру (proza.ru)

Возрастная категория читателей – 18+

Любые совпадения – случайны.

Авторские права – защищены.

Посвящаю – родным, близким людям; всем, кого любил и люблю. А так же тем, кто, безусловно, согрел собой этот мир – коту Мурзику, псу Тузику, кошке Мурке (двое последних – из далёкого-далёкого детства).

Предисловие

Бурная жизнь молодого художника («Уроки в стиле «Ню»), не менее разнообразное бытие профессионального фотографа («Юлька или фото на документы»), нескудный быт экспедиций («Археология души»), где лихие парни и «сумасшедшие» девчонки, рискнувшие подарить им свою любовь, открывают для себя (и для Вас) что такое – Жить!

Время от времени герои повествования активно отдыхают, «адреналинят». Это – спуски на лыжах «с закрытых позиций», скалолазание без соответствующего снаряжения и подготовки, и тому подобное. Автор предупреждает, что подобные развлечения – опасны для жизни.

В «постановке», название которой – «Моя жизнь», Вы, читатель, и есть главный режиссёр, а так же первый и единственный актёр. Никто Вам не может запретить изменить сценарий и сыграть так, как пожелаете. Удачи!

Уроки в стиле «Ню»

Глава 1

Сегодня нам позирует Марианна – среднего роста рыже-волосая красавица, девушка без комплексов. Профессионалка.

Она – в ударе. Выдаёт такое – хоть стой, хоть падай. Коекто и готов упасть. Ведь среди нас есть и начинающие. Возможно, кто-то из них видит обнажённую женщину впервые в жизни (не на картинке). Их выдаёт суетливо бегающий туда-сюда взгляд; и даже руки, похоже, у некоторых дрожат. И есть от чего.

Неведомо, какая муха укусила нашу модель сегодня, но она готова показать нам всё, на что способна. И более того.

И показывает. Установив на подиуме стул, Марианна то присядет на него нога на ногу, то полуприляжет, свободно разбросав ноги, то, облокотившись о стул, станет к нам спиной в полоборота, демонстрируя всё, чем наградила её природа.

Мы пашем как кочегары на пароходе. В помещении жарко (чтобы модель не мёрзла). Специфика набросков обнажённой натуры состоит в том, чтобы за несколько минут ухватить в натуре главное, вылепить некий образ, не разменива-

ьясь на детали. И это совсем не просто.

Человеческое тело один из наиболее сложных объектов для изображения. Учиться его рисовать или писать можно очень долго. Часто всю жизнь многие художники возвращаются к работе с моделью. Это – то же самое, что и для музыканта, которому стоит не прикасаться к своему инструменту всего несколько дней, как он тут же почувствует, что и руки не те стали, и со звуком не всё в порядке.

Сегодня нас десятка полтора. Довольно разношёрстная компания. Недалеко от меня стоит за мольбертом Никодим. Его бородатое, аскетичное лицо будто сошло с одного из портретов Веласкеса. По нему невозможно судить, о чём он думает. Работает он напряжённо, но без суеты. И только линии его рисунков выдают тот жар и те чувства, что горят в нём.

Чуть в стороне от нас трудится Юля. У неё вечно брюки сползают в процессе работы всё ниже и ниже, наполовину обнажая аппетитный, розовый зад. Иной раз, кажется, что вот-вот и у нас будет не одна, а уже две обнажённые модели. Она дочка довольно известного архитектора. Этот факт её биографии подталкивает иногда девушку Юлю слегка позадирать перед нами свой замечательный носик. Наброски у неё неплохо получаются, но с живописью – проблемы. Она пишет маслом, очень много добавляя разбавителя. Колорит чувствует плохо. Потому получается какая-то масляная, жухлая акварель. При этом она старается поско-

рее покрыть поверхность холста, не выкладываясь на каждом квадратном сантиметре. По общему мнению, это не живопись, это, извините, дерьмо. С тем же успехом можно было бы развести на воде куриный помёт и что-то им изобразить.

Мелькает мысль о том, что надо бы с ней поближе познакомиться, позаниматься живописью, и, возможно, не только ею.

У Марианны перерыв. Очередные сорок пять минут мы отбарабанили – да так, что и не заметили, как время пролетело. Она набрасывает халатик и уходит на лестницу покурить, пообщаться с преподавателями. Мы же расходимся кто куда – поглядеть что получается у соседей, глотнуть чаю из термоса.

Рядом пара молодожёнов (она только готовится к поступлению в институт, а он уже на втором курсе занимается). Они бурно обсуждают сегодняшнее занятие:

– Ты только посмотри на неё! Что она себе позволяет – это же не женская баня и не бордель, в конце концов. Мы же пришли изучать строение человеческого тела, а не акушерство или гинекологию! Что молчишь, тебе что – нравится?!

– Да ладно тебе, – отвечает он ей, – не грузись. Каждый сюда приходит за тем, в чём нуждается. Кто-то женщин никогда живых не видел, а кто-то сделать в своей жизни лучший набросок. Вот даже ты завелась, хотя говорила всегда, что нервы у тебя, как у трактора на гусеничном ходу; и, вообще, ты всегда меня убеждала, что тебе больше нравится дли-

тельный рисунок натуры, когда можно прочувствовать каждую линию, каждую связку, а не торопливо набрасывать не всегда понятно что. Помнишь, да?

– Вот, блин, действительно «повезло» сегодня с натурой, – всё никак не может успокоиться будущая студентка. – Хорошо, убедил. Посмотри, у меня что-то получается или опять только отдельными кусками – то только ноги, то – только руки, а целого нет.

– Ты знаешь, – он ей, – сегодня другое дело – есть образ, динамика формы чувствуется; наверное, потому что разлилась. Так что ты нашу Марианну ещё благодарить будешь...

– Ну-ну, показать всё, что у тебя есть – невелико дело, – отвечает кандидатка в студенты.

– Не скажи, в каждом деле можно быть мастером, а можно быть просто ремесленником или, ещё хуже, никем. Марианна – мастер!

– Может, ты её ещё и как женщину начнёшь мне расписывать...

– Да ладно, не пытайся рассмешить...

Глава 2

Однажды, когда мы с Юлькой остались одни на лестничной площадке (народ, выкурив по сигарете, вернулся к своим планшетам), она обратилась ко мне:

– Витька, ты можешь объяснить – что нужно, чтобы живопись пошла? Бьюсь, блин, бьюсь – и, как-то всё – не очень. А наброски – сам видел, нормально.

– Ты-то что чувствуешь, когда пишешь? – Спрашивает она, выдыхая кольца дыма – одно симпатичнее другого прямо мне в лицо.

– Помнишь, мы писали одну и ту же постановку? – Продолжает Юлька, сверкая глазами сквозь собственную дымовую завесу. – У тебя цвет настоящий. А у меня – не идёт и точка. И нарисовано нормально, и композиция вроде бы ничего. Но – не звучит!

– Ну как тебе объяснить, – я ей, отгоняя дым подальше (я-то не курю, выхожу в «курилку» пообщаться). – Во мне что-то включается; это похоже на то, может быть, как самолёт преодолевает звуковой барьер. Раз! И ты уже в другой среде, в другом пространстве или качестве.

– Не надо про самолёт, – говорит она, пытаясь закурить очередную сигарету. – Давай о живописи.

– Слушай, хватит дымить, тут без противогаза не поболтать по-человечески, – пытаюсь я её остановить.

Ну да, девушку Юлю только танком и остановишь, если она чего-то захочет.

– Не смеши, – она мне, затыгиваясь своими «лёгкими» № 5.

– Ладно, – сдаюсь я. – Ты попробуй писать одновременно на разных участках холста, то есть, как бы кусками, держа при этом целое в голове. И не жиденько, а полновесно «вляпывать» мазки. Не экономь на краске. Нужно стараться не бояться подбирать необходимый цвет и смело ударять им в нужном месте. Только и всего, наверное. Если не ошибёшься, то рано или поздно все эти пятна сложатся в единую, цельную картину. Да, имей в виду, что несколькими кистями не обойтись – с десяток потребуется, а может и больше. Зато каждая будет играть свою гамму, и в целом должен получиться – оркестр. Если с «дирижёром» всё в порядке, то и музыка должна быть на уровне.

– Хорошо, – Юлька мне, – а если не угадаю с цветом, не попаду, то что тогда – всё соскрести? Краску жалко, она же дорогая.

– Ну, с такими мыслями тебе не живописи учиться, а где-нибудь кладовщиком работать, – я ей. – Ты же обеспеченный человек, причём здесь экономия?

– А обеспеченные, потому и обеспеченные, что знают цену деньгам, – упорно клонит в свою сторону Юлия.

– Блин, ещё раз услышу о деньгах – вообще о живописи со мной не заговаривай! – Я ей. – Лучше сразу о погоде...

Да и пора нам к «станку», народ уже пашет во всю.

Я порываюсь двинуться к одноклассникам.

Она, схватив меня за руку:

– А даму поцеловать, слабо? – И указывает пальцем себе на щёчку. При этом её глаза как-то по-особенному заискрились, блеснули сквозь упавшую на них чёлку выющихся, тёмных волос.

Молча возвращаюсь. Недолго думая, за плечи притягиваю её к себе и осторожно целую в нежную, душистую шею, в щёку, в губы. Поцелуй в губы у нас получился затяжным, как прыжок с парашютом. Даже дыхание на секунду перехватило. Вдруг, я почувствовал, как её язык проник ко мне в рот и пытается там устроить этакий шурум-бурум, полный кавардак, то есть. От неожиданности, я слегка обалдел. (Ого, а девочка, оказывается, шалунья!). Но, довольно быстро ориентируюсь в обстановке и понимаю, что это не самый скучный способ единения живых существ. Согласитесь, что-то в этом есть – ещё пять минут назад ты о ней не знаешь ровным счётом ничего (разве только то, что штаны с неё валяются постоянно.) А теперь тебе известно почти всё – и цвет глаз, когда их видишь совсем близко, её удивительный запах, правда, с примесью сигаретного дыма, и, даже, её вкус, как у ягоды. Она действительно чем-то похожа на ягодку, которую не распробовать, не съесть – невозможно.

Нас прерывает Пашка. Он показался в дальнем конце коридора и орёт:

– Ольга Владимировна напоминает, что занятия ещё не закончились!

Бегу за Пашкой. Юлька неторопливо бредёт следом.

У всех работа в самом разгаре. Никто и внимания не обратил на наше отсутствие. В том числе, кажется, и Ольга Владимировна...

Глава 3

Яркий, солнечный день. У нас сегодня пленэр. Городской пейзаж. Студенты с этюдниками разбредаются кто куда. Счастливые, свободные люди. Не всем знакомо это чувство, когда весь мир – твой; бери его, пиши, живи ярко в нём!

Я решил не искать неведомо что, неведомо где. Тут ведь главное, на мой взгляд, не найти что-то заковыристое в пейзаже, да нарисовать или написать; а просто увидеть, да-да увидеть, почувствовать даже в самом обычном уголке города нечто, что вызывает отклик в твоей душе, в твоём сердце.

Останавливаю свой выбор на небольшом, уютном дворике, что рядом с нашим учебным заведением. Со всех сторон он окружён разной высоты строениями. Получается этакая ступенчатая череда крыш. Одни стены ярко освещены, другие в глубокой тени; сверкающие окна и тёмные парадные внизу. Всё на контрастах – вертикали и горизонтали, свет и тень. Как только набрёл на этот дворик, так и захотелось сразу же взяться за дело.

Со мной Юлька. Чуть позже к нам присоединился Вячеслав. Станный он человек. Одет всегда по последней моде, занятия посещает нерегулярно. Что он ищет в живописи? Ведь с первого взгляда понятно, что она для него не является тем, чем для многих из нас – способом бытия «живой материи», занятием на всю жизнь.

Возможно, я думаю, он бывает в тех кругах, где модно продемонстрировать что-то необычное в себе, прочесть свои стихи, например, или показать тобой написанную картину. Но ведь её сначала надо написать!

С Юлькой же всё понятно – она идёт по стопам своего отца.

И сегодня Вячеслав одет как на вечеринку – дорогие брюки, качественная рубашка, тёмные очки. Не очень-то удобно в таком наряде возиться с красками – того и глядишь замараешься. Тут не о живописи будешь постоянно думать, а только о том, как бы не испортить свой «прикид». Но объяснять Славке эту простую истину почему-то не хочется – слишком элементарно. Редкие прохожие иногда поглядывают в нашу сторону. Главным художником в нашей компании выглядит, конечно, Вячеслав. Юлька – это девочка при нём, ну а я – простой подмастерье. В старину у каждого известного мастера всегда было несколько учеников, выполнявших поначалу самую простую и грязную работу – они растирали краски, грунтовали, натягивали холст и тому подобное. Эти умения, кстати, тоже далеко не лишние. Впрочем, сегодня краски продаются в готовом виде, да и холсты тоже.

Но тёмные очки его – это уж совсем ни в какие ворота; цвета-то как различать? Говорю ему об этом:

– Слава, ты читал где-нибудь, чтобы Репин или Васнецов в очках писали, солнцезащитных?

– Солнце глаза слепит, да и, вообще, так круче, – он мне.

Как говорится: «No comments...»

На мой взгляд, писать картину в тёмных очках – это, тоже самое, что попытаться пообедать, окунув голову целиком в чан с едой или, например, попытаться управлять автомобилем, из его багажника. И в том и в другом случае результат известен заранее. Как и в случае со Славкой. Не может у него получиться что-либо путное. Но ведь он тоже просил помочь с живописью.

В том дворике мы неплохо провели часа три; успели, правда, немного – слишком часто работа над этюдами прерывалась разговорами о том, о сём. Юлька, кажется, что-то поняла, а Славка – не уверен. Хотя он действительно хотел бы, чему-то научиться, чтобы что-то получалось. Но до него так и не дошло, что нужно научиться тратить себя реально на это дело. А вопрос о том, что одеть и как – это в принципе – не для обсуждения; в лучшем случае это разговор для женщин где-нибудь на распродаже. А чтобы мужики, настоящие, на этом «зацикливались» – извините.

С того момента как мы появились в этом дворике вокруг произошли некоторые перемены – солнце проделало часть своего пути по небу, тени, соответственно, переместились с одних стен на другие. Писать дальше не имело смысла, и, потихоньку, мы стали собираться. Этюды свои, правда, нам так и не удалось закончить, что меня не очень обрадовало. Но делать нечего – не гнать же от себя своих друзей-подруг по группе.

Вячеслав, быстро собрав свой этюдник, прощается с нами – его где-то ждут.

Мы с Юлькой неторопливо бредём по набережной Невы. Ласковое солнце, тёплый ветер. День понемногу клонится к вечеру. Так бы вообще никуда не уходить от этих освещённых косыми лучами солнца стен, крыш, деревьев. Бродил бы и бродил до бесконечности...

– Ну что, девушка Юля, каковы планы? – Я ей. – Не сходить ли нам куда-нибудь в парк, да и не съесть ли нам штукки по три мороженого, разного?

– Хочешь, пойдём ко мне, – она мне, – увидишь моё бунгало, мою берлогу; уж папочка над ней потрудился. Они, кстати, все на даче... Чего-нибудь перекусим, а там видно будет.

Её «а там видно будет» прозвучало так, что по моей коже будто муравьи пробежались, в количестве несметном.

Минут сорок полёта в метро и мы на месте. Да, действительно всё на уровне – в классицизм антиквариата лихо вписываются элементы хайтека, новодела; но со вкусом, без ряби в глазах. Не всегда замечаешь, когда из века девятнадцатого попадаешь, вдруг, в век нынешний.

– Такой бы «чум» – да каждому жителю северных территорий, ну, например, полуострова Таймыр или Чукотки! Думаю, они бы не отказались, – даю оценку её жилищу.

Юлька довольна произведённым впечатлением. Быстро готовит бутерброды, чай.

– Ну, рассказывай, как ты живёшь здесь, не заблудилась

ли ни разу во всех этих коридорах, всегда в ту дверь попадаешь, в какую нужно? – Я ей.

– Ты скажешь, тоже, я тут с закрытыми глазами ориентируюсь. Спорим, сейчас и ты с закрытыми кое-что найдёшь?! – Говорит мне она, одной рукой закрывая мне глаза, а другой кладёт мою руку себе на грудь, прямо на большой, твёрдый сосок...

Тут мир опрокинулся и закружился в ярком хороводе; или, точнее, мы с Юлькой грохнулись на большой, пушистый ковёр. Только он, этот ковёр, был свидетелем наших безумств, наших неумеренных фантазий. И не припомнить – сколько же это продолжалось. Лишь урывками мы замечали, что белая ночь на дворе сменяется не менее светлым утром, которое неторопливо переходит в день.

В итоге мы опоздали на лекцию по истории искусств. И не без труда успели на занятия академическим рисунком у Ольги Владимировны.

Но чего стоит усидеть и не упасть с табурета, не уснуть, пытаясь изобразить в карандаше Вольтера, чей гипсовый бюст торжественно возвышается над всеми нами на высокой подставке. В глазах его читается какая-то укоризна – мол что же это получается, молодой человек, вы рисовать пришли или просто время отбивать? Да, прав был известный ваятель, сказав, что та самая, волшебная палочка не должна слишком часто быть в приподнятом положении, если ты хочешь, что-то оставить после себя – настоящее. В искусстве.

Да и в любом, заслуживающем того, деле, добавляю от себя.

Ох, и прав же ты, соглашаюсь я с ним опять, раскачиваясь на табурете, как в каюте океанского лайнера, идущего по бурному морю. Но, вспомнив все перипетии «общения» с Юлькой, понимаю, что вряд ли в мире есть сила, способная оторвать меня от неё. Эти нежные руки, эти глаза, этот разговор за столом – друг напротив друга, глаза в глаза. Я чувствую, как во мне опять начинает бурлить кровь, перемешанная в пропорции пятьдесят на пятьдесят с адреналином и тестостероном.

Через месяц она пригласила меня к себе знакомиться с родителями. Оказалось, главную скрипку у них в семье играет её бабушка, которая тут же попыталась устроить небольшой экзамен по части владения ножом и вилкой за столом (и не только ими). Я вежливо, но твёрдо отказался участвовать в этом мероприятии, а заодно и в совместном отгадывании кроссворда. Уж очень прозрачно просматривалась мысль устроить мне тестирование сразу по нескольким параметрам. Не играю я в такие игры (однажды, несколько лет назад, занимаясь в институте с совершенно другим, но не менее захватывающим, профилем, я поклялся себе, что с экзаменами, которые мне не интересны, покончено раз и навсегда; и свято с тех пор соблюдаю это обещание; жизнь не столь уж длинна, чтобы тратить её на чёрт знает что). Это всё здорово было похоже на сценку на базаре, где торгуют лошадьми – и зубы посмотрят обязательно, и как двигается,

как ест. Нет уж, увольте.

Юльке мои манёвры не очень понравились. Но она меня хорошо знает.

Ещё месяца через полтора выяснилось, что Юля берёт академический отпуск на год, чтобы поработать в мастерской отца над одним из проектов. Пригласила и меня. Условия простые – работать двадцать четыре часа в сутки только над проектом. Разработать самостоятельно или по имеющимся наброскам рабочие чертежи нескольких видов ограждений, фонарей, декоративных элементов. Всё привязать к реальному окружению, как по художественному исполнению, так и по габаритам, естественно. Отслеживать их воплощение в материале. Материал – металл. Технология – художественная ковка. Плюс – иные малые архитектурные формы.

Задача, безусловно, интересная и даже захватывающая. Но – не писать, не заниматься живописью целый год, а может и больше!? Извините. Я отказался.

Как-то незаметно отношения с Юлькой стали блекнуть, как цветная бумага на солнце. И, постепенно, они сошли на нет.

Я окунулся, наконец, в привычную для себя жизнь, наполненную работой и живописью – до краёв.

В делах и заботах незаметно проскочила вторая половина лета и осень. Однажды, рано утром, обнаружилось, что уже выпал первый снег и всё вокруг стало чёрно-белым. Будто

кто-то переключил в нашем мире, как в компьютере, графический редактор на монохромный вариант. Свежесть и чистота, прохладные ветры и белесые дали стали главным символом пейзажа. Захотелось жить как-то по-другому, глубоко дышать уже почти зимним воздухом, что-то переосмыслить и переиначить – как в себе, так и в том, что тебя окружает. Меня позвали эти чистые, светлые дали и я был готов рвануть туда – когда угодно и с кем угодно.

Глава 4

Мы случайно познакомились на Невском. У неё разорвался пакет и по свежему снегу у Казанского покатались во все стороны только что купленные в Елисейском яркие мячики апельсинов. Я тут же бросился помогать – да с такой энергией, что от усердия столкнулись мы лбами на виду у бредущей по своим делам субботней толпы. Это так нас развеселило, что вспоминая то, каким образом состоялось наше знакомство, мы ещё долго не могли успокоиться каждый раз заливаясь смехом, при обсуждении отдельных деталей того дня. А вспомнить было что...

Отделавшись, наконец, от заморских фруктов и прочей еды, мы отправились бродить по центру города – от станции метро «Канал Грибоедова» к Михайловскому саду и дальше, мимо Лебяжьей канавки, Летнего сада, перейдя Фонтанку, направились к бывшей «Мухе». А затем, сделав большой крюк, заглянув в магазин «Академкнига» на Литейном, двинулись мимо цирка в сторону площади Искусств. Тему для беседы подыскивать не приходится. Она – будущий специалист по ландшафтному дизайну, аспирант. Я – студент факультета живописи института. Темы сами собой возникают то слева, то справа по ходу нашего движения в лице памятников архитектуры.

На дворе, если судить по погоде, то ли поздняя осень,

то ли ранняя зима. Первый снежок весело похрустывает у нас под ногами, которые сами несут, летят неведомо куда по этому – самому замечательному в мире городу. Нам по двадцать четыре года. Молодость, энергия рвётся из нас, не желая знать никаких границ и пределов.

Мы с хохотом ловим открытыми ртами редкие, крупные снежинки. Наша игра называется так – «Кто первым поймает десять снежинок – реализует своё самое заветное желание». Уже раз пять у меня получилось опередить Светку в этом сугубо зимнем виде спорта, и все пять раз я её нежно целую. В щёчку.

А снег всё падает и падает. Снежинки, неторопливо вращаясь, то опускаются, то зависают на одном месте, словно кто-то время от времени выключает земное притяжение. Настоящая зимняя сказка. Кажется, весь мир – это снег и я со Светкой; от всего и вся укрыла нас его полупрозрачная завеса. Мы аккуратно ловим его и, пока он не успел растаять, бережно передаём друг другу из губ в губы; и опять, забывая обо всём на свете, застываем на месте в длинном, головокругительном поцелуе.

В конце концов, решено зайти в один из музеев, попить чайку, перекусить бутербродами, побродить в тишине залов.

Сдав в гардеробе верхнюю одежду, проходим в небольшое кафе, расположенное тут же, в подвальном этаже здания.

Выбираем столик. Большие зелёные чашки парят душистым, ароматным чаем. Светкины глаза сверкают сквозь ещё

не успевшую просохнуть после прогулки чёлку. Чаепитие начинаем с нескольких глотков шампанского – за удивительные случайности в жизни, за нашу встречу и чтобы всегда-всегда всё сбывалось. А так же по глотку за этот необычный снегопад, благодаря которому Светка поскользнулась, считай на ровном месте, и разбросала чуть ли не по всему городу свои апельсины.

Последний отрывок моего тоста она решила немного по-критиковать:

– Ах, по всему...?

– Хорошо, не по всему, а только по его историческому центру!?! – Иду ей на встречу.

– Ах, по всему центру...?! – Она мне.

– Нет-нет, только по всему Невскому проспекту, – слегка подраживаю я её.

– Ах, по Невскому...

Не замечая ничего вокруг, мы дурачимся от души.

Наконец, бутерброды съедены, чай выпит. Мы отправляемся знакомиться с экспозицией музея.

Обожаю старые здания. Их ненадуманый уют, этот тёплый, чуть пыльный воздух, длинные коридоры, огромные залы. В них наваливается на тебя покой, тишина. И только старый паркет, который помнит всё и всех, когда-то прошествовавших по нему, чуть поскрипывает под нашими ногами.

Мы неторопливо переходим из зала в зал, то поднимаемся на следующий этаж, то идём вниз... И, войдя в одну из мно-

гочисленных дверей, неожиданно, попадаем на удивительно красивую лестницу, которая приводит нас к давно закрытому по неизвестной причине старому парадному входу. Возможно, существующий вход был прорублен в одну из многочисленных революций прямо в стене здания (тогда рубили там и тогда, где и когда считали нужным, не особо оглядываясь по сторонам).

Мы неторопливо бредём вниз по забытой всеми лестнице (судя по лежащей на ней пыли и редким окуркам, даже уборщица здесь бывает нечасто).

– Немного грустно за неё, – говорит Света о лестнице, поглаживая рукой кованые листья, стебли, цветы фантастических растений, – никто не видит эти удивительные перила, этот полёт мастерства, это дыхание души мастера. Сейчас так немногие могут. А ступени, ты посмотри – по ним же можно идти с завязанными глазами и не упадёшь! – Она делает несколько шагов, закрыв глаза. И – попадает в мои объятия.

Я опускаюсь на одну ступеньку ниже Светки. Наши головы теперь на одном уровне – очень удобно целоваться. Оказывается, под её тонким свитером почти ничего нет. Её похожие на мячики груди, легко и весело освобождаются из своего заточения в лифчике. В первое мгновение Света даже застонала от неожиданности и на секунду замерла, пытаюсь сообразить, где же находится. Но мои прикосновения и поцелуи быстро заставили её забыть обо всём.

Со всхлипом и стоном мы ещё сильнее вжимаемся друг в друга. У неё крепкие, упругие бёдра, тонкая талия. Кажется, ещё чуть-чуть и мы окончательно растворимся в этом неожиданно свалившемся счастье. Ох, сколько же это может продолжаться...? Я, наконец, проникаю в неё... О, счастье! Ради этого стоит жить!

– Милый, – она тихо со стоном шепчет мне, – родной, ты что, ты забыл где мы находимся?!

– Нет, милая, – я шумно дышу ей в шею, – нет любимая – не забыл, мой Светик-Семицветик.

Мы с ней так близко, так тесно сливаемся, что получается из нас двоих один комок живой материи. Очень счастливой материи.

Это слияние душ и тел длится целую вечность... Огромный, старинный витраж на противоположной от входа стене светится над нами яркими, чистыми осколками цвета в лучах заходящего солнца. Его лучи, пробиваясь сквозь ветви деревьев, растущих у стен музея, заставляют гореть то одни стёкла, то другие.

Вот засветились бирюзовые, синие, жёлтые – и тут же, дрогнув от порыва ветра, тени переместились, и вспыхнуло несколько ярко-красных стёкол, а так же зелёные и голубые.

Эта музыка цвета и света, музыка нашего счастья звучит в каждой клеточке нашего тела.

Последним, мощным движением я отрываю Светку от пола, мы оба почти теряем сознание на секунду-другую...

Медленно, словно подводная лодка из глубины, выплываем из сладкого полусабытья поцелуев и объятий. Немного приведя себя в порядок, неторопливо бредём на выход, не очень понимая, где мы и что с нами. Встретившаяся по пути служительница напомнила нам, что музей скоро закрывается.

– Ах, да – музей, – чуть-чуть устало продолжает нашу шутильную игру Света. – Ах, скоро закрывается, – говорит она, кладя мне на плечо голову и обдавая мою щёку свежим, весенним дыханием.

– Ну да, скоро закрывается, – вторю я ей, тоже толком ещё не придя в себя. – Знаешь, я совсем забыл – у меня же сегодня занятия на Васильевском. Академический рисунок гипсовой головы одного из греческих героев.

– Не знакома я с греческими героями, – отвечает мне Светка, – но с одним, современным, сегодня познакомилась.

– Слушай, ну и день выдался сегодня – сказочный. Спасибо тебе, – она тихо и нежно целует меня в щёку. – Честно. Такое – запоминается; наверное, на всю жизнь. Когда-нибудь, когда мне будет семьдесят лет, я буду напоминать одну из этих старушек-смотрительниц. Сидя за вязанием, буду вспоминать жизнь свою. Нас. Тебя.

– Но ты выдал, – продолжает она, то ли с восхищением, то ли с шутилым осуждением, – сотворить такое прямо здесь, в музее, в кладезе культурных ценностей. Ай-яй-яй, – грозит мне шаловливо пальчиком; и, вдруг проводит тыльной сто-

роной ладони по моим брюкам, где всё опять напряглось.

– Ого, Вы опять готовы!?! – восклицает она. – Но музей-то закрывается. – И, дурачась, голосом экскурсовода продолжает:

– Уважаемые посетители. Просим продвигаться к выходу.

Я, с большой готовностью:

– А-а. На «наш» выход?! Согласен.

Беря её за руку:

– Пошли-пошли на наш выход.

Она:

– Ты с ума сошёл. Охрана музея с нами быстро разберётся. Да и рисунок у тебя, академический. Не забыл?

– Ах, да – вспоминаю с некоторым сожалением я. И мы бредём к гардеробу, где сиротливо висят только наши куртки.

Глава 5

У метро быстро прощаемся. Кажется, я действительно не успеваю на занятия. Обмениваемся телефонами, электронными адресами, поцелуями. Торопливо назначаем, переносим, отменяем, опять договариваемся о следующей встрече. И разбегаемся, разбегаемся...

Она – к дому, где сейчас проживает у родственников, я – вниз, в метро, бегом по эскалатору, прыжком влетаю в ближайший вагон, затем опять бегом – уже вверх, и дальше в сторону Невы. Чувствую, что порядком взмок. Вот уже видны ярко освещённые окна того самого здания, где мы постигаем азы изобразительной грамоты.

Вбегаю в наш гардероб и, пользуясь тем, что там никого уже нет, сдираю с себя свитер, рубашку и майку. Над раковиной привожу себя в относительный порядок и, торопливо натянув только рубашку, иду, наконец, в свою группу.

Я всё же опоздал минут на пятнадцать. Получаю вместо обычного приветствия строгий взгляд нашей симпатичной преподавательницы. Кое-кто из присутствующих смотрит с удивлением – ещё бы, меня будто выдернули из сауны в середине сеанса – вид включено-взмыленный, да и вообще – вроде бы не очень в себе человек. Стараясь не обращать внимания на вопросительные взгляды, занимаю своё место. Чтобы хоть как-то прийти в рабочее состояние начинаю чи-

нить карандаши, неторопясь устанавливаю планшет, раскладывая всё необходимое. Ну и денёк!

Сегодня мы приступаем к длительному рисунку головы Геракла. Задача непростая. Сложный ракурс, на голове много растительности, под которой нужно «прочитать» кости черепа, лицевые мышцы. Голова его сидит на мощной шее, переходящей в ещё более «накачанный» плечевой пояс.

Чтобы разобраться, как расположить голову в листе, делаю небольшой набросок в углу планшета.

И – поехали! Лёгкими линиями отсекаю большие пространства, относящиеся к фону; тем самым получается некая область, в которой предстоит разместить голову. Чувствую себя в роли скульптора, убирающего всё лишнее из глыбы камня.

Затем ищу и провожу серединную линию, нахожу место положения темени, надбровных дуг, основания носа, подбородка.

Далее отмечаю размеры основных частей головы, не забывая, что они в перспективе сокращаются.

– Эх, полетели! – завожу сам себя. Всё постороннее исчезло. Есть только шорох карандашей о бумагу; быстрый взгляд на гипс и опять к своему планшету, где из небытия чистого, белого листа, вдруг, начинается проступать изображение древнегреческого героя.

Ничто не может сравниться с актом творчества. Разве что – другой, всем хорошо известный акт. И в том и в другом

случае ты ощущаешь, может быть, только на несколько мгновений, как душа уносится в иные пространства и миры, соединяет тебя с единой душой этого мира (если она существует), которая и решает окончательно что (или кто), когда и как появится на этот свет.

Ольга Владимировна подходит то к одному, то к другому рисующему, делает свои замечания, что-то поправляет, в некоторых случаях ей даже приходится поспорить с очередным «творцом». Художники – народ, в некотором роде, самоуверенный. Каждый считает, что именно его выбрала судьба для того, чтобы крикнуть или прошептать нечто самое-самое в этот мир. И это – правильно. С другим настроением в искусстве делать нечего (бывают, конечно, и исключения – можно просто жить в нём, дышать им, пить его большими глотками, не помышляя о том, чтобы достичь при помощи него неких «вершин» из стандартного общечеловеческого набора).

Слева от меня за мольбертом трудится Катя. Это симпатичная, крепкого телосложения девчонка. Время от времени она поглядывает в мою сторону своими тёмными глазами. Но я уже давно дал себе обещание, что здесь, в группе – никаких романов. Юльки с меня более чем достаточно. Правда, в данном случае, речь, возможно, не о романе. Похоже, Катя не против найти среди нас спутника на «всю оставшуюся». Тогда – это не ко мне. Ну, какой из меня «спутник», если в собственной жизни никак не могу разобраться. Да и

Светка у меня... На несколько секунд я возвращаюсь к событиям сегодняшнего дня и чувствую, как сердце начинает грохотать молотом.

– О чём задумался, Виктор? – это Ольга Владимировна подошла ко мне и Кате.

– Нет, ничего, – отвечаю я. Не рассказывать же ей, о моём посещении музея сегодня.

– Катенька, – продолжает преподаватель, – ну что ты, в самом деле. Бороду Геракла завиток за завитком рисуешь, а толком голова не построена. Ты уверена, что правильно нашла положение глаз, носа? Ты иногда смотри как твои соседи работают; если что-то не получается – зови меня.

Подходит ко мне:

– Виктор, тебе не кажется, что левый глаз должен быть несколько меньше? Ты учёл сокращение отдельных частей черепа в перспективе? И за контрастами следи, фактурой. Помнишь, в предыдущем рисунке, у тебя второй план упорно «вылезал» вперёд, споря с первым? Я понимаю, – продолжает она, – что, возможно, тут проявляется твой темперамент. Но им надо уметь управлять, согласись.

– Да, конечно, Ольга Владимировна, – отвечаю я ей.

Она мне нравится – наш преподаватель. Про себя называю её «Афродитой». Время от времени я её сравниваю с гипсовой Афродитой, стоящей в углу помещения. И у той и у другой довольно узкие, девичьи плечи, гордо посажена голова, тонкая талия. Нижняя часть тела у обоих более основатель-

ная, плотная; бедро красивой, округлой формы. И при этом удивительная гармония целого – линии тела плавно перетекают друг в друга. Гипсовая Афродита, правда, почти обнажена, позволяя не торопясь любоваться этим замечательным творением.

Мелькает шальная мысль: «Взглянуть бы на нашу Ольгу Владимировну без «драпировок»! Не удивлюсь, если в чём-то она ещё и фору даст этому каменному изваянию. Она же живая, тёплая...»

Быстро отгоняю эту и подобные мысли – надо работать. У рисующих рядом, дела идут неплохо. Молодая супружеская пара, которая так бурно обсуждала поведение на набросках Марианны явно уходит вперёд. Советуясь друг с другом, что-то подсказывая, поправляя, они лихо ведут свои рисунки.

Решаю, что надо бы собраться и подтягиваться к ним. Но параллельно всё же продолжается мыслительный процесс.

Ну и мужик – этот Геракл. Неслабый. Такой, если возьмёт за шиворот, может спокойно швырнуть твоё брэнное тело метров на 15–20 куда-нибудь в сторону. Как вешалку для одежды. Без каких бы то ни было проблем.

Интересно, а девчонки, вообще, что-то чувствуют, глядя на такую мужскую статью – на того же Геракла или Давида? Или им всё по фиг, главное нарисовать; или все они, наши девчонки, как подморожено-замороженные?

Да хрен ты что-то нарисуешь, если не чувствуешь – прихожу я к заключению.

Оглядываюсь вокруг. У одной-двух глаза, кажется, всё же блестят живым огоньком. У остальных в лицах вижу одно лишь упорство в решении непосильной для некоторых задачи. Да, «далеко» же они пойдут, наверное...

В перерыве многие выходят на лестничную площадку – покурить, пообщаться. Там, вместо скамьи, лежит огромное, кривое бревно (заготовка для скульптуры из дерева). Неведомо, когда его втащили сюда, на третий этаж старого питерского дома, но судя по его затёртому виду, оно здесь уже не один год. Видимо, ещё не родился тот, единственный, «наш» Буанаротти, который справится с непростой задачей – превратить это бревно в шедевр деревянной скульптуры.

Сколько замечательных былей и небылей слышало оно от нас.

Вот кто-то из парней сетует на то, что никак не может встретить девчонку по душе.

– Да, ладно тебе, – ему отвечают. – Нет тут никаких проблем. Весь «слабый пол» вокруг только и думает о счастье и любви. Это у них сидит если не в коре больших полушарий, то в подкорке, точно. Я тебе говорю, – продолжает уверенный голос. – Только нужно знать, что и когда сказать им, какую струну или точку тела задеть, как бы невзначай. И, поверь мне, они тут же зазвучат, заиграют.

– Но, учти, каждая – по-своему, – продолжают наставлять незадачливого «Ромео». – Вот тут и будешь выбирать, как медведь на реке выбирает рыбёшку поаппетитнее, когда она

идёт на нерест.

Понял? – Приятель увесисто хлопает по спине «Ромео». Тот с сомнением качает головой.

– Не бойсь, – продолжают его шутливо наставлять. – Но помни. Одна девчонка может звучать как арфа, другая, как гитара, третья, вообще, как целый оркестр. Ты как шум переносишь, нормально? А музыку?

– Но есть и такие, что звучат, как инструмент, у которого струны натянуты плохо или их нет вообще. Увы, и такое бывает (особенно, если не ту точку заденешь); может быть, правда, в данном случае, дело не столько в ней сколько в тебе; как говорят – нет контакта... Так что смотри, приятель, не ошибись.

– Хорошо тебе, – отвечает «Ромео» своему другу, – ты их с поборота «заводишь». Перезнакомился со всеми, а может и не только...

– Нет, к сожалению, не со всеми. Но стремиться надо...

В это время мимо нас пробегает Верка. Симпатичная девчонка – бледное лицо, тёмные волосы, почти чёрные глаза. Она, видимо, ненадолго выходила на улицу. Как у сказочной принцессы, в её волосах и на длинных ресницах сверкают капли уже успевших растаять снежинок. Тут же мелькает мысль: «Вот чудо! Написать бы её – вот так! Полжизни – за такой портрет!»

– Вера, вот Анатолий никак не может встретить девушку своей мечты, – начинаю я с ходу и без подготовки.

Тот, о ком говорят, тут же начинает медленно краснеть.

Верка в ответ:

– Пусть в кино пригласит. Там, в потёмках, может будет более решительным.

– А с тобой, Витька, я согласна и просто по Румянцевскому садику побродить, осенью подышать. Хорошо же там... –
Говорит она мечтательно.

Я ей:

– Ты умница, Верка. Ты же знаешь – я люблю тебя, мы все тебя любим, честно.

Вера:

– Мне все не нужны. Мне один нужен.

И, махнув рукой, она уносится дальше, оставив после себя налёт какой-то недосказанности и лёгкой грусти, что ли.

Действительно, столько замечательных девчонок вокруг, а любишь всегда только одну.

И, уже без особого настроя, толкаю Анатолия в плечо:

– Давай, действуй парень. Всё в твоих руках.

– Ага, – отвечает почти обречённо он мне.

Перерыв заканчивается. Мы возвращаемся к своей работе.

Глава 6

Так пролетают дни и недели, как пейзажи за окном несущегося поезда. Яркие, цветные – это когда мы со Светкой встречаемся, более сдержанных тонов – это трудовые будни; а ночные и вечерние пейзажи с проблесками далёких огней – это дни, когда мы не встречаемся, но есть искорка надежды, что пути наши всё же пересекутся.

Иногда нам удаётся встретиться в мастерской. Но не часто – обычно там всегда шумно, много народу, который торопливо делится последними новостями, показывает ещё не просохшие этюды и просто бурно и яростно говорит «за жизнь».

Мои друзья легко приняли её в свой круг. Тем более, что взгляд «со стороны» очень важен, когда хочешь понять – что же у тебя на самом деле получается на холсте. Дело в том, что когда долго занимаешься каким-то одним делом глаз, как говорят, «замыливается», то есть ты теряешь способность свежо воспринимать результаты своего труда. Вот тут моя Светка и оказывалась как нельзя кстати.

Был случай – вытащила она откуда-то из дальнего, пыльного угла забытый всеми этюд, выполненный просто на колорит, на импровизацию цветом:

– Посмотрите, что я нашла! Какое чудо! – Она смотрит с восхищением на работу, где на тёмном фоне написа-

но несколько геометрических фигур. Но как! В них такой «звук» настоящий, столько экспрессии, что действительно непонятно почему автор забросил свою работу так далеко. Впрочем, возможно, она была убрана туда, чтобы просто отлежаться, чтобы со временем можно было разобраться – что же всё-таки получилось в ней, а что – нет.

Сегодня за столом общее чаепитие. У Светки здорово получается заваривать зелёный чай. Разговор прыгает с одной темы на другую. Мой друг Пашка яростно отстаивает свою точку зрения:

– Шопенгауэр, Ницше – вот титаны! Надоело всё классическое и все классики заодно. На них давно толстый-толстый слой пыли и перхоти! Видеть не могу эти прилизанные, зализанные как коровьим языком картины, где глазу не за что зацепиться. Они больше похожи на не очень удавшиеся или совсем неудавшиеся цветные фото. Удавиться можно от такой живописи! Нужна фотка – иди в фотоателье, зачем идёшь к художнику? Художник твою душу напишет! Поберегись, у кого проблемы с душой!

– Надо же, – продолжает он громить всё устоявшееся (причём не только в искусстве, уже и в физике), – упало человеку яблоко на голову (надеюсь, не гнилое) и тут же он открывает не один, а сразу три закона. «Маладец» какой!

– Не верю, как говорили известные классики сцены, – всё больше распаляется Пашка. – Вот мне в общаге однажды на голову свалился здоровенный плафон. И, представьте, он –

вдребезги, на голове ни единой царапины; но при этом ничего в ней не появилось – никаких новых законов я там не обнаружил! А ведь он был больше того самого яблока раз в двадцать!

В ответ ему громкий смех. К разговору подключается Милка:

– Паша, а когда это произошло, на каком курсе?

– Ну, кажется, на втором, год назад, – отвечает он ей.

– А, теперь понятно, почему именно год назад тебя вдруг круто швырнуло в экспрессионизм. Да настолько, что ты чуть окончательно не забросил занятия академическим рисунком. Ты так «достал» преподавателей своими «опытами» в новом для себя искусстве, что некоторые, наверное, бросались за валидолом после общения с тобой.

Заявление Милки ещё раз вызвало взрыв смеха.

Кто-то прокричал:

– Вот где истоки твоего творческого подъёма! Может и мне что-нибудь уронить себе на голову – никак не сдать зачёт по искусству древних греков?

Пашка немного надулся:

– Я всё равно докажу своё, вот увидите.

Света, подойдя, погладила его по плечу:

– Они же шутят, мы в тебя верим.

– Да? – Переспрашивает он с недоверием.

– Всё в порядке, Пашка, – говорю ему я. – Мы действительно шутим.

Пашка, повеселев, говорит:

– А с этим физиком, я думаю, дело было так. Сидел человек у себя в саду, скучал. Подзывает слугу:

– Поддай-ка, братец, беленькой грамм пятьсот!

Недолго думая, опрокидывает в себя для завязки сначала сто пятьдесят. Чувствует – нет контакта, не зарождаются в голове законы, тайны мироздания остаются на прочном замке. Ан-ка, ещё – двести.

– Так, – продолжает Павел знакомить нас со своей версией того, как были открыты известные каждому школьнику законы, – кажется, пошло дело. Ну-ка шарики столкнём друг с другом. О, как разлетаются! И так далее.

И тут же:

– Эврика! – Кричит он. – А не сообразить ли и нам, того? – И он щёлкает себя пальцем по горлу.

Но в ответ получает дружное напоминание о том, что мастерская – это территория свободная как от алкогольных паров, так и от всего остального, кроме творчества.

Мы со Светкой переглядываемся украдкой. Увы, несколько раз мастерская, холостяцкий одноместный топчан, стоящий в углу, был использован не для художественного творчества, а для иного – мы творили на нём своё случайное счастье. Этот «диван» был просто раем после лестниц, коридоров и прочих укромных мест, где время от времени мы уединялись...

Глава 7

Всё рано или поздно заканчивается, как известно. Подошли к концу и Светкины занятия в аспирантуре. И засоби-ралась моя красавица домой, в большой и симпатичный го-род на берегу Оки. Там, как оказывается, ей родители уже давно кого-то подыскали для светлой, счастливой и безбед-ной жизни (чтобы – и душа в душу, до гробовой доски, так сказать; и, чтобы, что не скатерть в доме, то – самобранка). Кого – сразу так и не понять; особенно если тебя такой но-востью, как бревном по голове.

Сборы и проводы не отняли много времени. А затем – вокзал, перрон, запахи и звуки, неведомо откуда доставлен-ные сюда поездом дальнего следования, чьи-то голоса, глаза, смех, напоминающий бьющийся хрусталь, слёзы, вскрики, возгласы, торопливые обещания любить всегда (и везде?). И вот она уже за стеклом, она уже там, в вагоне, а я всё еще здесь. Почему? Поезд тронулся. Крикнуть, догнать, сорвать стоп-кран...?!

Какой-то мусор, кем-то выброшенные полиэтиленовые пакеты пытаются увязаться за последним вагоном поезда, увлекаемые воздушными потоками. Но и они, в конце кон-цов, отстают, замирают. «Финита ля комеди», господа?! Ещё одна страница жизни перевёрнута...

Поздний, очень поздний вечер. Неторопливо бреду после

очередных занятий. Работа, а потом ещё и учёба – это вам не ёлы-палы. Полное опустошение, голова словно чугунная. Если вот так не побродить после учёбы, то на следующий день будешь как плохо отжатая половая тряпка. А нужно быть в форме. Потому что нас всех, любого и каждого ждут великие дела! Да-да, не смейтесь, великие. Каждый из нас, вскочив рано утром должен быть готов к тому, чтобы яростно пить Жизнь большими глотками, а не откусывать (чтобы не сказать – покусывать, как блоха, например) её по кусочку, ещё и наморщив свой носик, мол и это не очень вкусно, и то не подходит, что-то там перебирая. Вот такое правило у нас – живописцев двадцать первого века! Если коротко – долой слюни и сопли!

Его разработали и применяем по назначению мы с Пашкой, и довольно успешно.

Пересекаю Неву по Дворцовому мосту, затем, пройдя наискосок Дворцовую площадь и далее по Миллионной, выхожу к набережной Мойки. Неспеша, бреду мимо Летнего сада. Прохладный ночной ветер шумит в деревьях, гудит в проводах, постепенно выдувая из меня накопившуюся за день усталость, остужая звенящую от перипетий этого дня голову. Поворачиваю на набережную Фонтанки и иду в сторону Невского. Как же необычно выглядит Петербург поздним вечером. Вокруг пусто. Вообще ни одного человека. Похоже, я попал в город, население которого куда-то исчезло, испарилось. Может быть всех похитили инопланетяне, утащив

по доброте душевной в лучший из миров? Представив себе на минуту такую картину, я почувствовал неприятный холодок. Ещё бы – огромный город, каменные джунгли – и ты один. Хочешь – пой, хочешь – ори, кричи. Ответом тебе будет только собственное эхо. Бр-р-р. Ну и картинка.

Ускоряю шаг, уже видны огни Невского проспекта. Там – жизнь! Там всегда жизнь...

Очередные выходные. Собираюсь на этюды. Несмотря на довольно прохладную погоду, хочется «махануть» кистью, уложив на холст этот серый денёк.

Отбираю подходящий картон, проверяю кисти, краски, разбавитель. В термос заливаю горячий чай. Набрасываю свою походную куртку и в путь – до ближайшей станции метро. Выхожу из вагона на конечной. Отсюда до окраины города минут десять пешком. Не успеваешь толком оглядеться, как ты уже загородом.

Деревня Кудрово. Избы, думы из труб. Архаика. Другой воздух, другой темп жизни – никто никуда не спешит. Кто-то хозяйством занимается, кто-то по единственной асфальтированной улице по делам направляется.

Деревню огибает небольшая, симпатичная речка – Оккервиль. Бойко бреду вдоль неё. Лыдистый ветер с полей, прозрачные, серебристые дали, сине-зелёная стена леса на горизонте. Хорошо!

Ветер яростно треплет берёзки на берегу реки. Они весёлой стайкой обступают меня, заглядывая через плечо, инте-

ресуются – как я пишу.

Широкими мазками пытаюсь сходу схватить небо, землю в тоне-цвете; почувствовать, найти этот серебристо-серый (цериулеум, умбра жжённая, охра натуральная, волконскоит, белила цинковые), в который ударами свежего зелёного (кобальт зелёный светлый) вплетены уже кое-где возшедшие озимые.

А ледяной ветер окончательно разошёлся – играет в ветвях, раскачивая деревья, всё пытается забраться ко мне под куртку. Но не до него. Эта игра цветом и светом, желание пропустить через себя, зафиксировать, может быть, навсегда, этот не очень уютный денёк захватывает настолько, что ничего не замечаешь...

Оглядываю почти законченный этюд. Если что-то получится из него – назову «Ветренный день». Только сейчас чувствую – насколько я весь заледенел. Прыгаю на месте, пью горячий чай. Жизнь прекрасна!

Быстро собрав этюдник, несусь домой, в тепло, в уют мастерской. Там, отогревшись и немного перекусив, не откладывая в долгий ящик, опять берусь за этюд – пока свежи впечатления.

Глава 8

Я просто обожаю наш город. Эти дома «неправильной» формы со срезанными углами, имеющие в основании то трапецию, то, вообще, неведомо какую фигуру. Это связано с тем, что все основные магистрали старого города расходятся из одного места, от Адмиралтейства – как спицы в колесе. Плюс фантазия архитекторов и заказчиков.

Обожаю эти огромные, плоские, глухие стены с редкими бойницами окон. Кое-где облупившаяся штукатурка и трещины придают им совершенно фантастический вид – будто находишься на Стоунхендже. Они напоминают мегалиты, оставленные неведомыми пришельцами или нашими предшественниками на этой планете, унесёнными неведомо куда очередным потопом. Само время расписалось на их шершавых спинах. Расписалось – судьбами людей, живших за ними. Я часами брожу среди них. Только стараюсь пореже заходить в те места, где любили гулять мы со Светкой. Появляться там – больно; память тут же услужливо прокручивает всё, до мелочей. И я начинаю понимать собак, периодически воющих на Луну, и кошек, которые просто орут, безо всякой Луны. Есть от чего. С радостью бы присоединился иной раз к ним; но, увы, не положено по статусу – мы ведь – homo sapiens, «цари природы». А «царю» орать не положено, как и просто валяться на траве. А жаль.

Уже примерно года полтора я, не торопясь, веду длительный этюд понравившегося мне дома в районе 9-й Советской улицы. Задача простая – сделать то, что вижу и чувствую. Срок – не важен. Главное – написать.

Вначале ко мне подходили, приглядывались местные жильцы – в том числе и шпана – и чего тут посторонний торчит, места мало что ли. Но потом как-то всё «устаканилось», привыкли; возможно, я даже стал небольшой местной достопримечательностью. Старушки иной раз приведут внуков. Вот, мол, как дядя рисует – не всё же в войну играть, лазая по чердакам и подвалам. Бывает девчонки после школы стайкой подбегут, посмотрят, хихикая за спиной. Кое-кто из взрослых уже хорошо меня знает – подойдёт, поздоровается, спросит – что да как. Пообщаемся несколько минут и опять за дело.

И на холсте постепенно появляется, заполняя почти всё пространство, большая, рыжая стена дома, обращённого фасадом от меня. Кое-где в нижней части она сырая, тёмная, покрыта зеленоватой плесенью. Выше – пятна, потёки всех оттенков оранжевого, розового, жёлтого, охры. То там, то тут тёмно-серые трещины. Смещение цвета, фактур порождает такую музыку, такую гармонию, что я готов просто стоять и смотреть на неё часами.

Кажется, кто-то из «местных» тоже стал приглядываться, любоваться как моим творением, так и натурой, то есть стеной. И она того стоит. Это вам не блочный «курятник»

с торчащими и загаженными каждый по-своему балконами. Каждое сооружение в те времена, когда строился «мой» дом, имело свой индивидуальный проект и своего архитектора; и, часто, это был человек известный. А не как сейчас – дом серии номер такой-то и т. д.

Веду живопись не перегружая холст краской, нанося её полупрозрачные слои друг на друга лессировками, когда одни частично перекрывают соседние. Получается то, что вижу в натуре – то есть, удивительное звучание близких по тону, но разных по цвету оттенков. Время от времени, берусь за мастихин и «зарядив» его нужной краской жёстко, со скрипом проезжаю по холсту то в одном месте, то в другом, не перекрывая всё написанное, а лишь вскользь касаясь красочного слоя будущей картины. Это придаёт моему этюду именно ту фактуру, что и на стене, а заодно и расставляет акценты.

Когда я провожу рукой по подсохшему холсту, то хорошо ощущается, что он шершавый, как сама стена, материальный. Именно это мне и нужно.

Иногда за моей работой часами кто-нибудь наблюдает прямо из окна. Кажется, я стал частью местного пейзажа, как деревья, фонари, ларьки.

Работа продвигается не шатко, не валко. Мне – спешить некуда. Ведь я, как и всё остальное – часть вечности. Её ни догнать, ни обогнать невозможно. В ней можно только быть! Яростно, интересно быть! Каждый в ней барахтается по-сво-

ему. У каждого – свой билет. Только надо помнить, что билет – это ещё не всё. Кое-что зависит и от «пассажира». Понравился пейзаж за окном «поезда» – можешь сойти, полюбоваться и даже остаться там. Надолго, а, может, и навсегда... Это, если не боишься променять уютный вагон на неведомо что.

Повторюсь, в этой вечности – не хочется просто «коптить», как котельная, работающая на мазуте. «Кино», называемое – «Твоя жизнь», которое выпало каждому из нас, прокручивают только один раз – до попкорна ли тут, господа? И, вообще, до еды ли, когда такой «экслюзив» тебе крутят?! Надо быть ненормальным, полным идиотом, тупым бараном и кретином одновременно, чтобы только жрать, да спать, когда на «сцене» такое – тебе показывают твою собственную жизнь! И ты там не просто зритель, а главный и единственный актёр и можешь вытворять, а лучше – творить (да, творить!) всё, что угодно. Нет, никогда не поверю, что можно потратить свою «единственную и неповторимую» (жизнь) на беготню за барахлом и едой. Неужели есть такие? Блин, скучняк-то какой! И жаль, как жаль таких индивидов. Ведь они очень похожи на самоубийц – только с той лишь разницей, что у тех всё же хватает смелости на один решительный шаг (пусть и неправильный – проблемы так не решают, если честно), а эти, «индивиды», растягивают свой последний шаг на всю, так называемую, жизнь. «Так называемая» потому – что жизнью не назовёшь это барахтанье сре-

ди вещей и купюр, эту бесконечную и бессмысленную возню со своим, извините, барахлом.

Мне – не пятнадцать лет. Я уже успел побыть егерем, сторожем, фотографом. Это были совершенно разные миры, и «пейзаж» их ни в чём не повторялся – что и захватывает. Незабываемые люди, удивительные судьбы, характеры. Ты как бы несёшься в лифте по огромному небоскрёбу – вот решённый в зелёных тонах «этаж». Это моё егерство. Влажные, дремучие лиственные леса, полузабытые дороги в одну колею через них, тропы, тёмные ночи, засады против браконьеров, обильные, дружеские застолья, красные, задубевшие на солнце и морозе лица лесников, неторопливые беседы длиною в ночь, удивительное братство людей, объединённых одним делом.

Следующий «этаж». Сторожевая, деревянная, покосившаяся будка. Пыль, грязь. Собака Дружок, впоследствии оказавшаяся сукой. Длинные дни, тягучие ночи. Борьба со штормовым ветром, пытающимся перетащить огромный козловой кран в полной темноте неведомо куда. Или просто опрокинуть его. Книжки, долгие размышления. Не очень приветливые друзья-товарищи, стерегущие вместе со мной какой-то металлический и другой строительный хлам на открытой площадке.

Фотография – это вообще, не один, а несколько этажей; удивительных, ярких, непохожих ни на что другое. Но об этом – в другой раз...

Глава 9

Сегодня у нас живопись натюрморта на свободную тему. То есть, каждый может собрать для себя постановку из того, что ему подходит. Рядом, на стеллажах, чего только нет. Тут и предметы с чисто геометрическими формами – шары, цилиндры, кубы из гипса или белого картона, какие угодно драпировки – всех фактур и расцветок, и множество овощей, фруктов из папье-маше, а также различная домашняя утварь – горшки, чашки, миски. Пиши и радуйся.

Я остановил свой выбор на тёмном, довольно высоком горшке из обожжённой глины и драпировке ненасыщенно-жёлтого цвета. В этот горшок, только взглянув на него, я сразу влюбился. Он весь такой коричнево-красный, где светлее, где – темнее; чувствуется, прямо кожей ощущаешь, при взгляде на него, тот жар, через который он прошёл в печи. Есть в нём какая-то основательность, надёжность.

Не торопясь расставляю предметы. Собственно, предмет то один – этот самый глиняный сосуд. Его хочу разместить так, чтобы и форма читалась, и фактура, и цвет. Драпировку располагаю таким образом, чтобы одним концом она находилась под основанием сосуда, а другим уходила на второй план. Наиболее удачный «звук» получается, когда тёмный силуэт затенённой стороны горшка оказывается на фоне светло-жёлтой драпировки. Они, по контрасту друг с дру-

гом, заставляют звучать тона ещё ярче, интереснее. Вся постановка располагается на специальной подставке. Оглядываю её со всех сторон – кажется можно приступить к живописи. Устроившись поудобнее, начинаю понемногу прорисовывать натюрморт, чтобы разобраться что и как разместить на холсте.

Подходит Ольга Владимировна. Останавливается рядом, чуть касаясь моего плеча своим бедром, плотно обтянутым симпатичной, грубой (под холст) фактуры юбкой. Внимательно смотрит, сравнивая – что у меня на планшете и что в натуре.

Я, вместо того, чтобы, как обычно, отодвинуться немного в сторону и не мешать преподавателю оценить мою работу, наоборот, слегка, едва заметно, прижимаюсь плечом к ней. Не особо отдавая отчёта своим действиям.

Она на мгновение сбивается в своих рассуждениях, замолкает, а затем продолжает мне объяснять что, на её взгляд, можно изменить в постановке. Голос её немного звенит:

– Тебе не кажется, Витя, что в центре композиции чего-то не хватает? Какая-то пустота у тебя там.

– Да, – соглашаюсь я. – Действительно – пустота, Ольга Владимировна. Пустота, – повторяю я, уже думая о чём-то своём.

– Пойду, подберу что-нибудь из реквизита, – продолжаю я.

– Да, сходи, посмотри, – говорит она мне. И, отходя к дру-

гому человеку, коротко смотрит мне в лицо.

Я чувствую, что, то ли бледнею, то ли краснею и, что сердце, вдруг, подпрыгнуло и с места, да в карьер – застучало; будто стометровку бросился бежать.

Чёрт! Что это со мной, – завертелся в голове вопрос, пока рылся в груди искусственных фруктов и овощей, – неужели влюбился в неё?

Слегка трясую головой, чтобы немного в себя прийти. Выбрав зеленовато-желтоватое с розовым боком яблоко, возвращаюсь на своё место. Добавляю его к постановке. Да, действительно лучше. Всё смотрится более живо, цельно.

Яростно включаюсь в работу. Ну, сейчас я им покажу, как надо писать! А то – кому экспрессионизм подавай, кому «фотографизм» и, вообще», хренизм и фигизм какой-то подавай. Так сразу и не разобраться. А надо просто писать – от души! И любить то, что пишешь! И просто любить. Кого-то. Например, Ольгу Владимировну.

Чувствую, как опять, начинаю краснеть. Вот чёрт! Делаю глубокий вдох, выдох, вдох, выдох. Кажется – всё в порядке.

– Ты что там пыхтишь, как паровоз? – Говорит мне Пашка. – Смотри, от усердия не сломай свои фрукты – они из папье-маше, не переваришь; без ста грамм.

– Не бойсь, тебе оставлю – как лучшему другу! – Я ему. – А пыхчу потому, что чувствую себя на самом деле паровозом, счастливым паровозом. Как раскочегарюсь – ни одна зараза не остановит! Поглядим, у кого на финише круче будет

nature morte.

– Давай-давай, – он мне, и, видя серьёзность и азарт, с которым я взялся за работу, и сам, засучив рукава, окунулся в живопись.

Работу над картиной начинаю с подмалёвка, то есть тонко прокрываю холст краской, стараясь попасть в тон-цвет натуре. Делаю это не бездумно, а с таким расчётом, чтобы максимально выявить соотношения светлого и тёмного, но не в оттенках серого, а в цвете. Это не так-то легко. Часто, в первую очередь начинающие, поступают очень просто – если нужно написать светлое место – просто добавляют в основную краску белила, если пишут тёмное – добавляют что-нибудь тёмное или чёрную краску; такую как «виноградная чёрная» или «тио индиго чёрная». Ничего хорошего из этого, конечно, не получается потому, что как света, так и затенённые места, безусловно имеют свой цвет – пусть и не всегда явный. И не учитывать это – значит гарантировано загубить картину. Вот тут-то каждый и проходит проверку – кто на что способен, кто видит цвет (имеет ли слух и голос – как у музыкантов), а кто, увы, нет. Жестокая вещь, скажу вам. Сколько явных и скрытых трагедий здесь происходит. Это как лётчику вдруг объявить, что он больше не может летать – по медицинским показаниям, например.

Живопись, между прочим, тоже полёт – в неведомое. Это только на первый взгляд кажется – малюют что-то люди. И на кой, спрашивается? Настоящая (не ремесленная) живопись –

это тоже полёт, повторюсь. Полёт в страну Гармонию, в Счастье. В счастье видеть и отобразить этот мир в музыке цвета; в счастье – видеть, чувствовать эти миллионы оттенков, переходов одних тонов в другие, остро ощущать этот мир. Настолько остро, что не отразить, не поделиться тем, что видишь – просто нет никаких сил. Наверное, это как невозможность не любить понравившуюся женщину...

Однажды я особенно долго задержался в нашей общей мастерской – всё никак не удавалось довести до ума уже изрядно «замученный» карандашный портрет Германика (ух, были же мужики – не в наше время – смелый, решительный, красивый). Вроде бы не самый сложный персонаж для рисования, но что-то не складывается и точка. Так бывает иногда – передвинешь на миллиметр туда-сюда кончик носа, ухо – видишь, что-то изменилось. Но хорошо ли, плохо ли получилось – уже не понять. Потому что когда этим занимаешься несколько часов кряду, то уже толком и не сообразить – как лучше, на чём остановиться. Глаза и мозг устают от такой работы. Ольга Владимировна в это время что-то неспешно перекладывает, согнувшись над стеллажом. Бросив, наконец, карандаши, подхожу к ней. Мне показалось, что во всей её фигуре звучит такой призыв ко мне, такое притяжение. Теряя окончательно голову, обнимаю её, целуя в завитки волос на шее. Несколько минут мы стоим без движения. Когда, наконец, она выпрямилась, и я увидел её глаза – в них сверкнула слезинка. Слезинка счастья.

Позже она мне рассказала, что была замужем. Муж – тоже художник, творческая личность. Года полтора как он – то ли сбежал с одной из своих «муз», то ли спился окончательно, забыв о жене, доме, сыне. Сыну – шесть лет, скоро в школу. Пока им бабушка занимается, но нужен и мужчина в доме. Она старше меня лет на пять-шесть. Разве это разница!

Она – моя богиня, моя Афродита! Как она красива – стройное тело зрелой женщины увенчано копной светлых волос, линии его текут, плавно изгибаясь, как русло реки, где-нибудь на Валдае. Хочется просто сидеть на берегу и бесконечно любоваться этой «рекой». Или писать и рисовать без передышки, или любить, любить до потери сознания, забыв всё и вся...

Она – нежная, милая. Её большая, полная грудь раскачивается в такт нашим движениям; раскачивается прямо перед моим лицом. Время от времени я ловлю губами то один её сосок, то другой и чуть-чуть прикусываю его зубами, она слегка стонет и ещё сильнее прижимается ко мне.

В ушах у неё небольшие, симпатичные подвески – на длинной золотой цепочке то ли цветок, то ли звёздочка с небольшим, прозрачным камнем в середине. Дизайн их немного подростковый, но, кажется, именно на них я однажды почему-то загляделся, а потом уж на саму хозяйку.

Они, эти подвески, тоже очень здорово раскачиваются в такт нашим движениям. Правда, частота у них – другая. Как известно, частота колебаний зависит от длины подвеса. Чем

нить, на которой что-то висит, короче, тем больше эта самая частота. Так вот, подвески эти болтаются как сумасшедшие туда-сюда. И дело не только в том, что они на не слишком длинной цепочке, но ещё и в том, что любим мы друг друга, тоже как сумасшедшие, стремимся друг к другу так, как измученные в жаркой пустыне странники тянутся к воде, на которую, наконец, набрали.

Эта музыка нашей любви длится бесконечно; и, кажется, будет длиться вечно...

И только по утрам она, приняв душ, всё старается слегка припудрить следы наших ночных «битв», чуть устало улыбаясь счастливой улыбкой женщины, которую любят и которая любит сама.

С её сыном вечерами я гоняю в футбол прямо во дворе. Местные бабушки провожают нас своим мудрым взглядом, обсуждая что-то своё.

В один из выходных мы втроём идём в планетарий. Питерский планетарий – это не коровник с дырявой крышей, в прорехи которой заглядывают по ночам звёзды. Планетарий – это, на самом деле, крутая вещь. Туда бы неплохо иногда приходить и взрослым. Санька (так зовут её сына) широко открытыми глазами смотрит на распахнувшуюся, вдруг, на месте высокого, овального потолка бесконечность нашего мира, на бесчисленные звёзды, галактики. Даже взрослому человека, не отвыкшего смотреть и удивляться, эта картина огромной, вечно меняющейся вселенной может потря-

сти и заставить задуматься о собственной жизни – так ли он живёт, на то ли тратит её – единственную. А что говорить о шестилетнем ребёнке. Он совершенно забыл о нас с Ольгой. Она взяла меня за руку и тихо говорит:

– Какой ты молодец, что вытащил нас сюда. Как здорово ещё раз окунуться в детство, почувствовать себя маленькой. – Она тихо целует меня в щёку.

После окончания показа мы, немного ошеломлённые увиденным, неторопливо бредём домой. Счастливее Саньки пожалуй не найти человека. Он весь ещё там – среди звёзд, у далёких туманностей, которые оказались, совсем рядом, почти на расстоянии вытянутой руки. Он бурно делится своими впечатлениями, что-то нам пытается разъяснить, не забывая и о второй порции мороженого. Ольга, опираясь на мою руку, идёт рядом, рассказывая о своём студенчестве и показывая места, где она с подругами писала свои первые этюды. Так ли давно это было? Мягкий вечер окутывает город. Тепло. Тихо.

«Наверное – это и есть счастье, настоящее счастье» – говорю я себе, ещё крепче прижимая её локоть.

Глава 10

Эта идиллия, это блаженство длится уже почти год. Санька не без удовольствия ходит в школу. Он стал таким важным, серьёзным – особенно когда собирает свой ранец или делает домашнее задание. В школу взрослые его сопровождают по очереди. Сегодня – я иду с ним. По дороге мы неторопливо беседуем о космосе, о современных самолётах. Он ещё не забыл авиашоу по случаю дня города, на котором нам удалось побывать. Фигуры высшего пилотажа у него вызвали настоящий восторг. А с каким видом он забрался в кабину настоящего спортивного самолёта.

К приближающемуся Новому году я купил ему подарок – приличных размеров подзорную трубу с треногой. Её можно устанавливать на балконе в ясные вечера и изучать небо. В эту трубу очень даже неплохо видны кратеры на Луне, особенно на линии терминатора, звёздные скопления – такие как Плеяды, кольца Сатурна и многое другое. Только не ленись.

Время от времени он высказывает довольно глубокие мысли. Детский ум, ещё не испорченный шаблонным мышлением, как это часто бывает у взрослых, иной раз видит лучше и яснее.

Однажды, видя как дорогая легковушка, едва не задев женщину с коляской на пешеходном переходе, проносится

мимо, он говорит:

– Неужели дядя водитель не понимает, что его машина ничем не отличается от детской коляски? Она только немного больше и с мотором. Он должен был их пропустить. Он плохо видит? Что он за человек?

– Видит он, я думаю, хорошо, – отвечаю я ему. – Вот только с душой у него, возможно, не всё в порядке.

А про себя подумал: «Да и человек ли тот «дядя» – вообще?». С Санькой об этом, конечно, говорить не стоит. Когда-нибудь он и сам без труда поймёт, что в нашем мире есть люди – настоящие люди, а есть и те, кого и людьми, пожалуй, не назовёшь.

Незадолго до новогодних праздников, недели за две-три, Ольга меня встретила у порога квартиры. У неё в лице несвойственная ей растерянность, бледность и даже потерянная.

– Погоди, – говорит она мне. – Знаешь, мой бывший муж вернулся.

У меня было такое ощущение будто мы с ней стоим на железнодорожном полотне и на нас несётся поезд И, как во сне, ты не можешь сдвинуться с места.

– Да-да, конечно, – отвечаю я не очень внятно, стараясь не смотреть ей в лицо; боясь увидеть там – правду.

У Ольги почти истерика. Она хватает меня за плечи и начинает трясти так, что моя голова болтается как у пьяного:

– Ты понимаешь, что я тебя люблю!/? Да-да, люблю! – По-

что кричит она. – Но сыну нужен отец, его отец. Ты понял? Ты слышишь меня?

Не мне решать, какой отец нужен Саньке. Молча, прижимаю ненадолго её голову к лицу. Вдыхаю запах её волос. В последний раз.

Затем достаю подозрную трубу, свой новогодний подарок: – Вот, передай Саньке. Скажи – от отца.

– Он-то вряд ли знает, что нужно ребёнку, – добавляю я. Ольга, закрыв лицо руками, уходит в другую комнату.

Я молча начинаю собирать свои пожитки – благо их немного. И, уже минут через десять, не особо разбирая дорогу, бреду по ночному городу.

Вспомнилось лицо Саньки, как мы играли в футбол. Его звонкий смех, наши совместные прогулки.

Что-то всё поплыло перед глазами. Наверное, это прохладный ночной ветер вышибает слезу. Внутри у меня тоже ветер, настоящий ураган чувств и воспоминаний, который пытается разнести мою душу в клочья.

Подхожу к ближайшему чугунному столбу на обочине, прижимаюсь лбом к его ледяной поверхности. Но это не помогает. И тогда я просто стучу о него головой. Бум-бум – отдаётся во всём теле.

Кажется, кто-то начинает сигналить из проезжающих мимо машин. Думают, наверное, что допился человек до белой горячки – того и глядишь выскочит на проезжую часть под колёса.

Отмахиваюсь от них рукой – мол, не пью я, господа, совсем не пью; и не надо бояться.

А если и пьян я сейчас, то – любовью. Любовью к замечательной женщине.

В последний раз бабахая головой в столб и бреду подальше от дороги – чего доброго, ещё вызовут для меня спецнеотложку; что совершенно ни к чему.

Кое-как добираюсь до своей мастерской. В ней совсем неуютно, пусто и неопрятно. Пашка успел здесь как следует похозяйничать. То тут, то там лежит и стоит использованная стеклотара, окурки и прочие предметы вольной жизни свободного художника.

Провозившись далеко за полночь, возвращаю помещению относительно жилой вид. Валуясь на свой холостяцкий топчан, не раздеваясь, и проваливаюсь, как в болото, в тягучий, липкий сон. Цветные и чёрно-белые картины из жизни, представленной в её совершенно фантастическом варианте, несутся, сменяя друг друга. То мы с Санькой гуляем по городу на какой-то неизвестной планете, то я оказываюсь на 9-й Советской улице у своей стены. Пишу её. И, вдруг, ни с того, ни с сего она начинает прямо на глазах разрушаться. Стена медленно валится прямо на меня. Я хочу бежать, но, как и в любом сне, это получается у меня мучительно медленно.

С бешено колотящимся сердцем я, то просыпаюсь, то опять проваливаюсь – то ли в сон, то ли в бред.

Вот мне снятся наши занятия. Ко мне опять подходит

Ольга Владимировна, касается моего плеча. Только на этот раз она почему-то – обнажена. Я целую её замечательное бедро, в то, самое нежное его место, где оно переходит в нижнюю часть живота. Мне понятно, что мы не одни, меня охватывает стыд; но остановиться не могу. Потому что эта тяга к ней, эта невозможность быть без неё сильнее меня. Потому, что настоящая красота вообще – сильнее всего. Нет, не за горы злата, не за власть бьются мужчины в течении тысячелетий. Они бьются за то, чтобы доказать себе и другим, что они – самые мужественные. В конечном итоге – они бьются за любовь, за любовь женщины. Я говорю – о настоящих мужчинах. Я говорю не о тех, кто просто сходит с ума (или уже давно сошёл), пересчитывая пачки одинаково нарезанных и специальным способом раскрашенных листов бумаги – этого универсального обменного средства якобы затраченных усилий на приобретение того или иного (часто абсолютно бесполезного) барахла. «Якобы» потому – что станком, раскрашивающим и нарезающим эту бумагу, можно управлять. Как вы думаете – кто в данной ситуации выигрывает в первую очередь? Правильно! Тот, кто «сидит» на станке, то есть, им управляет. Свою долю получают и те, кто обеспечивает его сырьём и т. д. Несчастные полууроды...

Настоящие же женщины должны, выбирая себе спутника на всю жизнь, не допускать, чтобы мужики из-за неё калечили друг друга. Если они действительно настоящие – женщины.

И, вообще, я думаю, когда-нибудь именно женщины оставят эту вакханалию, этот полусумасшедший бег в никуда: войны, конфликты и всю ту муть собачью, что многие называют целью их жизни, а, часто, и историей человечества (хороша же эта история, главные, поворотные пункты которой знаменуются массовым истреблением себе подобных; нет, это история не людей (те, кого зовут людьми, не имеют права так себя вести), да, и не животных – они, тем более, так себя не ведут – по определению)). Под вакханалией я имею в виду погоню за несметным количеством различного добра. Ведь главное в этой жизни – это простота, гармония, красота, это стремление к себе настоящему, к тому, чтобы на самом деле понимать – кто ты и зачем живёшь. Только таким образом может выжить род человеческий. Но не в постоянной грызне и почти крысиной возне...

Ольге неудобно то, что она среди нас в нагом виде. Она отходит в угол помещения, к Афродите. Становится рядом. Они смотрят друг другу в лицо. Каменное изваяние, вдруг оживает и произносит:

– Ты – лучшая!

Афродита покидает свой постамент, уступая Ольге место, и направляется к выходу, сопровождаемая взглядами оторопевших студентов. Ольга, неторопясь, устраивается на нём, подыскивая наиболее подходящую позу. И, наконец, замирает.

Пока Афродита идёт на выход, пересекая класс для за-

нятий академическим рисунком, вдруг, ненадолго ожили и другие гипсы. У Вольтера появилась всё понимающая, лукавая, с хитринкой улыбка, Аполлон и Геракл несколько раз кивнули головой, соглашаясь с решением Афродиты, Германник лишь проводил её взглядом, задумчиво и чуть грустно, а Давид уставился на мою Ольгу широко открытыми глазами, в которых было вожделение и страсть, что отразилось даже в его фигуре.

– «Надо же», – мелькнуло у меня в голове. – «Только этого мне не хватало...»

Я поднимаюсь с места и иду к стоящей на постаменте Ольге. Подхожу, обнимаю – она только моя! Но что это – она холодна как камень. Поднимаю глаза к её лицу – оно неподвижно. Только на губах играет улыбка Джоконды...

Весь в холодном поту просыпаюсь очередной раз, пью воду, пытаюсь уснуть...

Наконец наступает утро. В голове ещё вертятся обрывки снов. Кажется, что реальность и сны перемешаны в один удивительный многослойный коктейль. Который, правда, не очень хорош при употреблении – гудит голова, подкашиваются ноги и вообще как-то всё вокруг тоскливо и нехорошо.

– К чёрту! Долой занятия. – Говорю сам себе. – В конце дня схожу в деканат, надо перевестись в другую группу. Быть рядом с ней и не прикоснуться, не поговорить – это бред, этого не вынести!

Переговорив таким образом с собой, я немного прихожу в

себя. Глотаю кое-какую еду, собираю этюдник, действуя, как автомат. И ухожу бродить по городу. Через некоторое время добираюсь до 9-й Советской. А вдруг дом мой на самом деле рухнул?

Нет, стоит родной. Ну ладно, значит – мир ещё не опрокинулся окончательно, – успокаиваю себя.

Пытаюсь сосредоточиться на картине, которая уже почти завершена. Ко мне подходит та самая бабушка, что приво-дила своего внука:

– Что пригорюнился, касатик? Что призадумался?

– Да не разобрать мне бабушка, что дальше делать. – Я ей отвечаю.

– Жизнь моя шла-шла да вышла на перекрёсток. Как в картине Васнецова – туда пойдёшь, то-то будет. Там, в карти-не, всё более или менее ясно прописано. А у меня – сплош-ной туман. Холодный.

– Не расстраивайся так. – Говорит она мне. – Жизнь са-ма дорогу укажет. Если совсем плохо будет – найдёшь меня. Есть у нас комната в квартире, мужа моего. Поживёшь там. Вижу – спокойный ты человек, хороший. И при деле.

– Спасибо вам, – говорю ей вдруг дрогнувшим голосом. – Спасибо. Доброго здоровья вам. – Подхожу, целую её в щёку.

В горле повисает какой-то ком, который никак не прогло-тить. Чем-то светлым повеяло от слов бабушки.

Ладно, ещё поживём.

Глава 11

Пришла настоящая зима. Холода. Пустота, одиночество постепенно сковывают изнутри, как мороз заковывает реки в лёд.

Настроение – как стрелка барометра, показывает всё чаще на «пасмурно». Время от времени говорю себе:

– «Это и многое другое не имеет никакого значения. Главное – делаешь своё любимое дело. Жизнь прекрасна!»

– «Прекрасна, но не очень», – отвечает мне моя другая половина.

Я загружаю себя работой и учёбой настолько, что временами еле волоку ноги в конце дня. Наскоро перекусив поздним вечером, и наскоро приведя себя в порядок, заваливаюсь спать, едва успев раздеться. Жизнь стала походить на кадры кинохроники. Один кадр – это одна неделя. Дни не замечаю вообще.

На занятиях мы всю штудируем живую натуру. Кто только не приходит к нам позировать.

Некоторые натурщики любят поговорить во время работы. Время от времени их приходится просить помолчать, чтобы было легче зафиксировать черты лица. Однажды позировала женщина преклонного возраста. Она чем-то неуловимо напоминала старуху Достоевского, едва избежавшую топора Раскольникова. Какие-то полусумасшедшие глаза,

растрепавшиеся волосы... Очень любопытный портрет получился. Затем позировал тип, которому на белой стене напротив виделись черти. Он бурно делился с нами своими видениями, приглашая нас к совместным наблюдениям; и даже предлагал их изобразить, пытаясь подсказать, как лучше закомпоновать в листе, открывшиеся ему чудеса. Название у этого «феномена» простое – белая горячка. То неизвестными ветрами занесёт к нам смешливую, весёлую девчонку, похожую на целый букет алых маков. Она тут же заставит светиться и наши лица отблесками весеннего огня, бушующего в каждой клеточке её тела. Все неожиданно для себя встряхнутся, заработают с удвоенной энергией, сбросив скованность и усталость.

Сегодня для живописного портрета нам будет позировать Константин. Его кто-то из студентов уговорил побыть нашей натурой, пообещав, что тот в итоге получит как минимум один свой портрет в масле плюс стандартный заработок натурщика.

Он человек разносторонний, фактурный; в свободное от учёбы время посещает театральную студию. Как натура – очень интересен. У него хорошо сохранившееся летний загар выразительное лицо, тёмные волосы, тёмно-коричневые глаза. И какая-то лихость и мечтательность во взоре.

Константин позирует нам в костюме воина времён Отечественной войны 1812 года.

Я расположился так, что вижу его в три четверти и при

этом он удачно освещён лучами солнца, отражёнными от белой стены соседнего здания за окном. Бросив всего один взгляд на постановку, мне стало понятно – портрет будет! Как гармонично и сочно звучат краски! Лицо Константина пролеплено всеми оттенками бронзы. С его тёмной шевелюрой звучно контрастирует белое и золотистое убранство мундира, который отлично сидит на нём.

С бьющимся от волнения сердцем быстро делаю рисунок углем; и скорее – к краскам. Они так и рвутся, так и просятся с палитры на холст.

Предварительно закрепив рисунок жидко разбавленной умброй, приступаю к живописи. Решил писать «а ля прима», то есть – сразу. Этот способ живописи предполагает минимальное количество переделок уже записанного холста. Позволяет экономить время, которого отведено не так уж и много.

Но нужно обладать известной уверенностью в себе и «наглостью», потому что само собой разумеется, что ты с первого раза попадёшь в нужный цвет и тон. А это – ох, как не просто!

Стараясь не «вывалиться» из рисунка, наношу пятна света и цвета то тут, то там – в различных частях холста. Ловлю контрасты, соотношения оттенков, полутона и пишу, пишу, забыв обо всём.

Время от времени мне кажется, что всё – развалился рисунок, ничего не получается, ни черта не разглядеть в этой

мешанине линий и пятен! Охватывает настоящий страх – такая постановка – и взять, да угробить её! Но, как говорится, пути назад уже нет – времени не остаётся на то, чтобы всё начинать сначала по классическому варианту – «плести кружева», то есть прописывать лицо и все прочие детали мягкими, тонкими кистями, нанося слой за слоем краску, аккуратно следуя рисунку. И далее постепенно выявляя и подчёркивая первый план, главное в нём, прорабатывать второй, третий и т. д. до необходимой степени детализировки.

Пашка в перерыве забежал к нам, захватив с собой Милку. Им очень захотелось посмотреть, как живётся мне в другой группе, как пишется.

– Ну, ты вляпал, приятель, – говорит он мне, глядя на пока ещё не очень вразумительное нагромождение пятен цвета на моем холсте.

– Хочешь быть круче меня?! Не выйдет! – Он весело орёт на всю аудиторию. Многие оглядываются на нас, но его это мало волнует. Если Пашку понесёт, то остановить его невозможно даже бульдозером.

– Да ладно тебе! – Отвечаю ему. – Не беспокойся. Если я и хочу быть круче, то только – самого себя.

К разговору подключается Мила:

– Витька, не ожидала, что ты тут так быстро освоишься. А мне нравится то, что у тебя получается. Хотя пока и непонятно что это будет.

– Спасибо, Милка. Ты же знаешь – я люблю тебя, я люблю

вас всех, честно! – я ей.

– Я это уже слышала, – говорит она, – от Веры. – И, продолжая:

– Что – не можешь забыть свою «Афродиту»?!

Её останавливает Пашка:

– Мила, ты не о том. Ты – о женском. А мы пришли поговорить о живописи. И только о ней.

Я говорю Пашке:

– Ты – настоящий товарищ. – И далее:

– Правильно, давайте о живописи, – ухожу я «боевым разворотом» от болезненной темы. – Тут некоторые, – кивая в сторону Пашки, – видят в моей живописи посягательство на их сомнительное первенство в области экспрессионизма. А я и не посягаю, я просто пишу, как получается, – пытаюсь немного «завести» своего друга.

Он шутливо вызывает меня на короткий боксерский поединок. Попрыгав пару минут как два глупых петуха, мы прощаемся. Он размашисто хлопает меня по спине – да так, что кое-кто по соседству отрывается от своих дел, удивлённо озираясь.

– Витёк, покажешь обязательно, когда закончишь работу. ОК? – Говорит мне Пашка. – Давай, пока.

Жму ему руку, целую в щёчку Милку. Она, резко развернувшись, нежно хлещет по моему лицу своим душистым «конским хвостом» светлых волос.

Они уходят, оставив налёт грусти по тому, по совсем дру-

тому миру, в котором я совсем недавно ещё был...

Пора за дело.

Упорно «молочу» своё. Иногда за спиной слышу как кто-то хмыкает, глядя не без удивления на то, что творится на моём холсте. Мол, ни фига не разобрать – одни шлепки краски.

Накатывает даже какое-то отчаяние. Неужели ничего не получится?!

Я и раньше замечал, что на определённом этапе работы, чаще, в её начальной стадии, ощущаешь физически какое-то сопротивление. Сопротивление «натуры»? Будто преодолеваешь некую упругую и не особо податливую среду – кажется, что идёшь против быстрого потока. И нет ощущения, что он обязательно будет преодолён. Но ты упорно давишь, ломишься сквозь своё отчаяние, прогибая эту неподатливость неизвестно чего. И, уже изрядно побитый этим потоком и наглотавшись сомнений, вдруг, чувствуешь – есть, идёт настоящее! И, совсем по-другому уже – легко, свободно пишешь дальше. Кисти твои просто порхают над холстом, то тут, то там бросая нужный цвет; твоя живопись несётся как санки с горы. И, как правило, в последующие дни тебя тоже не оставляет это ощущение свободного полёта и счастливой гармонии; вплоть до полного завершения картины.

У многих уже вполне узнаваемо «нарисовано» красками лицо Константина, детали одежды. Увы, чаще нарисовано, а не написано. Всегда удивляло – неужели человек не понима-

ет, что недостаточно «наклеить» на фон фигуру портретируемого? Что нужно окружить её воздухом, вписать в окружающее пространство так, чтобы он там жил, дышал, а не болтался лубочной картинкой – как на стене.

Глубоко вдохнув воздух, собираюсь с силами и пишу дальше, стараясь объединить не очень вразумительные пятна цвета во что-то цельное – на каком-то отдельном участке холста.

И происходит чудо. Я просто подпрыгиваю от восторга на месте. Звучит! По-настоящему звучит! Нет, не зря я верил, что получится. Да, получается! Играет настоящим цветом мой этюд и есть в нём что-то конкретное. Я счастлив!

Стараясь не менять ритм и темп работы, прописываю и другие участки холста. Теперь уже невооружённым глазом видно и моим соседям по классу – получается что-то стоящее.

Спокойно, неспеша, завершаю работу.

Подходит в перерыве Константин:

– Ты мне льстишь. Ты написал меня лучше, чем я есть.

– Да ладно тебе, возможно, это и есть ты – истинный, – отвечаю ему, кивая на портрет, – согласишься, не каждый может похвастаться, что знает себя от и до.

Константин в задумчивости бредёт дальше, разглядывая другие работы.

Сдержано хвалит и преподаватель – он не очень любит эксперименты.

Наваливается дикая усталость, через которую сочится тихое, ясное счастье. Счастье жить в этом мире и быть в нём на что-то способным.

Глава 12

Конец ноября. То ли поздняя осень, то ли – ранняя зима. Кое-где яркая листва ещё спорит с суровым и строгим «дизайном» зимы – всё вокруг либо бело от недавно выпавшего снега; либо черно – от проталин, на которых возвышаются то тут, то там кустики мокрой, увядшей травы. Деревья в снегу и инее. Они похожи, особенно по утрам, на сказочных принцесс или вышедших на прогулку снегурочек. Где каждая хороша по-своему. А, иногда, после ледяного ливня кусты и деревья, покрытые ледяной коркой и сверкающие стволами, будто отлитыми из стекла, похожи на удивительные и загадочные сооружения или растения, занесённые к нам из других миров. И кто может гарантировать, что это не так? Мы и о себе пока не можем сказать с определённостью – откуда и как появились на этой планете.

Очередные выходные. Пашка пригласил меня к себе на родину в село Требужево. Это часа три езды на автобусе.

Село это расположено на левом берегу реки Рева. Невзрачная на первый взгляд речушка за многие сотни и тысячи лет разрешила древние известняки так, что образовались почти отвесные стены, каньоны, удивительные нагромождения глыб самых разных размеров и форм. На каждом камне по снеговой шапке – кажется, что это древнее воинство в шлемах и латах бредёт неведомо куда по плечи в снегу.

Тёмно-коричневые, почти чёрные мокрые стебли никогда некошенных трав, белый снег, простота и суровость цветовой гаммы, где только чёрное и белое, почти без полутонов притягивают, как магнит. Эта чёрно-белая графика зимы так и просится на холст или бумагу. Кажется, не уходил бы отсюда никогда – так велика сила этих мест. Я чувствую, что начинаю завидовать тем, кто всю жизнь, изо дня в день, провёл здесь, тем, чьи дома – то тут, то там прилепились к крутым склонам, по которым разбросаны в случайном порядке огромные глыбы величиной с небольшой сельский дом. И это соседство кажется здесь совершенно естественным – никого не пугает то, что одна из них может сорваться в любой момент и, медленно, как локомотив, набирая скорость, понестись вниз всё сминая на своём пути.

Ради этой первозданной красоты мы и тряслись с Пашкой в автобусе. Немного пообщавшись с его родителями и наскоро перекусив, уходим к реке, захватив всё необходимое. Мой друг берёт с собой акварельные краски, я же – набор ручек с перьями, мягкие кисти, чёрную тушь и большой альбом плотной бумаги. А заодно у каждого из нас по складному походному стулу.

Устраиваемся недалеко друг от друга и уходим в работу. Пашка широкими, полупрозрачными мазками на большом белом листе бумаги пишет небо, землю, прорисовывает отдельные детали на переднем плане. Пройдясь чистой водой по бумаге, роняет на неё отдельные капли или точечные,

жирные мазки акварели, которые растекаясь и расплываясь, постепенно превращаются в кусты, камни в снегу, в поверхность реки, пока только у берега прихваченную льдом.

Я же, используя перья различной ширины, стараюсь передать неповторимый узор трав на фоне чистого, белого снега, тёмную, неуютную воду, скалы на противоположном берегу.

Закончив один мотив, мы разворачиваемся, меняем угол зрения и берёмся за следующий. При этом идти куда-то нет никакой необходимости – тема одна интереснее другой на каждом шагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.